

Писатель Змитер Вишнев: Утони в моей сказке, читатель... |

Auteur: Андрей Федорченко, [Базель](#) , 24.03.2014.

Змитер Вишнев на встрече с читателями (© А.Федорченко/Nashagazeta.ch)
21 марта в Philosophicum im Ackermannshof (Базель) состоялся вернисаж немецкого издания необычного белорусского романа с необычным названием «Das Brennesselhaus» («Замак, пабудаваны з крапівы» или «Замок построен из крапивы»). В вернисаже приняли участие автор - писатель и художник из Минска Змитер Вишнев и переводчик романа Мартина Якобсон.

|

«Змитер Вишнев – яркий представитель белорусского поставангардизма,

сокрушающий мертвечину в жизни и искусстве. Кто-то назовет Вишнева могильщиком тоталитаризма и его наследия в жизни и литературе, кто-то – первопроходцем, прокладывающим новые трассы в художественном творчестве. В «Замке построенном из крапивы» находит отражение международное признание творческой деятельности представителей «второго фронта», в том числе самого Вишнева, заявлена готовность оставаться верным духу андеграунда. Творчество Вишнева в целом дает адекватный образ белорусской реальности, преломляет настроения, распространенные в национально-ориентированной среде, резонирует с движением мировой литератур», - так представляет нашего героя доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета Ирина Скоропанова, Нас знакомство с ним и его творчеством тоже навело на размышления.

Культурные процессы, происходящие в бывших советских республиках в последнее двадцатилетие, необычайно интересны, ибо они отражают процессы политические. Беларусь, географически полностью принадлежащая Европе, вызывает особый интерес многих западных интеллектуалов, так как в ней сложился совершенно экзотический для нынешней Европы авторитарный режим, погрузивший страну в долгую политическую дрему. И дрема эта, похоже, устраивает большинство белорусских граждан, пока на их столах достаточно пресловутой «чаркі і шкваркі». Вот посмотрите, какие страсти бушуют сейчас в соседних Украине и России! А Беларусь - по крайней мере внешне - выглядит тихим заповедным болотцем, где вроде бы царит безмятежный покой. Стоп! Заповедным болотцем является «Белоруссия», как упорно называют страну ее восточные соседи россияне. Однако водятся, водятся черти и в тихом болоте! Змитер Вишнев – один из таких «чертей», в фигуральном, конечно, смысле.

Змитер Вишнев открывает читателям другую, динамичную и креативную Беларусь, спрятанную внутри «Белоруссии». Ее параллельную литературу, в силу исторических обстоятельств находящуюся сегодня в «почетном» статусе андеграунда. Какая из культур «правильнее» - официальная или андеграунд, рассудит время. Однако факт появления в последние годы на немецком языке книг Алеся Розанова, Альгерда Бахаревича, Валентина Акудовича, Артура Клинова, а сейчас и «Das Brennesselhaus» Змитера Вишнева однозначно говорит об их европейской литературной и общекультурной идентичности. И запах свежей типографской краски, исходящий от томика, изданного Luxbooks Verlag (Висбаден, Германия, 2014), дает надежду на оптимизм.

В романе 13 частей. С

Мартина Якобсон и Змитер Вишневу (© Андрей Федорченко/Nashagazeta.ch)) одной стороны, он – компиляция отдельных заметок, зарисовок, сказок, журналистики etc., а с другой – целостный текст со строгой архитектурой. Структура книги требует от читателя реконструкции собственных эмоций и опыта, вовлекая его в захватывающее интеллектуальное приключение. Впрочем, слово Змитеру Вишневу – писателю, художнику, перформансисту и издателю.

«Наша Газета.ch»: Змитер, это ваша первая книга, переведенная на Западе?

Змитер Вишневу: На немецкий и на другие языки меня переводят уже много лет. В самых разных антологиях выходили мои поэзия и проза. Но вот отдельной книги не было, эта – первая. Поэтому выход «Das Brennesselhaus» для меня большое событие. И я очень благодарен Мартине Якобсон и издательству Luxbooks Verlag за то, что этот проект состоялся.

Почему Вы именно так назвали свой роман?

В название я выкладывал несколько разных значений. Во-первых, одно из главных мест, где разворачиваются события в романе – это широко известный среди любителей искусства художественный дом «Тахелес», который напоминал дикорастущее растение в центре Берлина, полуразрушенный средневековый замок, что-то непонятное и колючее. Во-вторых, в романе описывается приготовление белорусского блюда – юшки – в котором тоже присутствует крапива. В-третьих, сам роман довольно сложный по структуре, очень большой, как замок, колючий и дерзкий, как крапива... В какой-то момент может показаться, что он вот-вот развалится на части, но этого, конечно не произойдет, замок выстоит и покажет себя как рыцарский бастион разноплановых и гармоничных событий.

Эпиграф к роману загадочен: «Детям оккупантов посвящается». Детям каких оккупантов? И оккупантов чего?

Я люблю провокацию в литературе. Провокацию как элемент произведения. Возможно, немецкоязычный читатель, прочтя эпиграф, будет шокирован. Ведь у нас, как правило, первая ассоциация слова «оккупант» связана с немецкими солдатами

Второй мировой войны. На самом деле это не так. Прочитайте роман, и вы поймете его провокационный замысел. Для меня было важным вызвать определенную реакцию читателя перед тем, как он начнет читать «Замок». Вот только как узнать о читательской реакции?...

«Das Brennesselhaus» как будто склеен из кусочков, словно сборная солянка...

Английский переводчик с

МартинаЗмитер Вишнев (© Андрей Федорченко/Nashagazeta.ch)) белорусского Джим Дингли однажды даже провел параллели между «Das Brennesselhaus» и «Улиссом» Дж. Джойса. Нет, мой роман не солянка, а скорее гремучая смесь, приготовленная сознательно. Каждая из 13-ти частей романа имеет свою стилистику. Более того, предполагалось, что вторую часть (сказку) читатель не «переплывет» и прочитать не сможет. Я очень хотел, чтобы он «утонул» в ней. Это было сознательное желание. Я хотел от читателя интеллектуальной тренировки и выдержки. Еще раз повторю: то, что на первый взгляд кажется потоком сознания, есть продуманный профессиональный ход. При внимательном прочтении вы увидите, что структура книги складывается из нескольких сюжетных линий, в которых присутствуют несколько главных героев: сумасшедшая бабушка, Сафа Бурштын, Нато и автор романа. Атмосфера произведения напоминает мозаику. Художник Сафа Бурштын и сам автор – это все же совершенно разные люди, речь здесь идет, скорее, о раздвоении личности. Поэтому бабушка учит жизни не Сафу Бурштына, а самого автора, который пишет про Сафу.

Каждая часть романа начинается с отсылки к раннему детству? Какие секреты «спрятаны» в детстве?

В этих маленьких кусочках я пытался показать целостность текста. Они – своего рода обоснование Причастия и также образуют еще одну сюжетную линию. Когда я работал над «Das Brennesselhaus», то все-таки рассчитывал на вдумчивого читателя. Я всегда заранее предполагаю, что читатели и зрители будут разными: кто-то видит просто картинку, не расшифровывая, кто-то пытается проанализировать ее. Поэтому я попытался сделать роман таким, чтобы у читателя была возможность его

прочтения на всех уровнях. Я вообще считаю, что книга получается удачной тогда, когда возникает желание вернуться к ней и снова перечитать.

То есть, Ваша книга универсальна?

Когда роман вышел в Беларуси, он получил самые разные отзывы: от полного восхищения до абсолютного неприятия. Читателей пассивных, не отреагировавших не было вообще. Мне кажется, что читательская реакция, положительная или отрицательная – уже успех для литератора.

Вы занимаетесь традиционной станковой живописью, а также перформансом. Но перформанс - это часть contemporary art. Насколько гармонично уживаются в Вас обе ипостаси плюс литература. Нет противоречия?

Оставаться в рамках лиш

Вишнев и председатель Объединения беларусов Швейцарии Александр Сапега... и юшка из крапивы (© Андрей Федорченко/Nashagazeta.ch))

ь одной литературы мне довольно тесно. Перформансы забирают очень много энергии и в этом смысле немного мешают литературе. Поэтому я делаю их очень редко и очень осторожно. Но литература и живопись во мне никогда не враждовали друг с другом. Насколько мою живопись можно назвать традиционной?! Невозможно сегодня изобрести велосипед, он давно уже есть. Но зато можно придумать какие-то его комбинации.

Читая роман, почти физически ощущаешь, что Вам было «в кайф» возиться с каждым его словом...

Мне очень важен сам процесс работы со словом. Я люблю его вкус, это вкус хорошего кофе или вина. Я стараюсь увидеть в нем скрытую красоту и показать ее другим. Моя жесткая позиция как литератора: лучшие произведения получаются, когда автор пишет для себя. Если ты не любишь, не уважаешь себя, значит, ты не уважаешь и читателя. Я писал этот роман для себя и, конечно же, получал кайф. И только после этого решал, стоит ли выносить его на суд читательской аудитории или нет. Решил, что стоит. Свой читатель у меня есть, но есть и читатели «разозленные». В хорошем

смысле, я считаю, так как разозленность может спровоцировать их вернуться к книге еще раз.

Вы относитесь к постконцептуальному направлению белорусской литературы. Откуда оно пришло?

Поколение, которому я принадлежу – это индустриальное поколение начитанных ребят, знакомых с самой разной современной литературой. Но все же важным мне представляется то, что наше поколение открыло авторов белорусского авангарда 20-х и 30-х годов, которые были расстреляны. Если говорить об истоках «индустриальной» литературы, то мне сразу вспоминается удачная книга Адама Глобуса «Парк», одна из первых индустриальных в нашей литературе.

Вы также издатель, один из основателей издательства «Голиафы». Какой Вам видится современная белорусская литература?

Ситуация сложная. У нас очень много маленьких тусовок, как и в любой другой европейской стране. Наши писатели только в последнее время стала появляться на европейском рынке. Белорусская литература на самом деле очень разнообразная, но, к сожалению, она мало известна в мире. И я бы не сказал, что те известные имена – лучшие. Порой в нашей неофициальной литературе чересчур активные литераторы «задвигают» менее активных, но более талантливых. Такое случается везде, но видеть это в Беларуси особенно неприятно, поскольку переводчиков с белорусского в мире – единицы. Я очень надеюсь, что как молодые авторы, например, Алексей Полочанский, так и маститые Адам Глобус, Андрей Федоренко, Илья Син, Алексей Толстов смогут попасть в поле зрения переводчиков.

Zmicier Vishniou: Das Brennesselhaus. Roman. Aus dem Weissrussischen übersetzt von Martina Jakobson. LUXBOOKS 2014.

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/node/17370>